

Тридцать лет назад был опубликован роман Василия Белова “Всё впереди” (“Наш современник, № 7, 8, 1986; “Роман-газета”, № 6, 1987). Теперь, по прошествии времени и ввиду свершившихся событий – происшедшей в России новой, очередной, на этот раз “либерально-демократической” революции – можно уверенно сказать о том, что роман этот занимает особое место в русской литературе второй половины XX века и в русской литературе в целом, в её непрерывном временном развитии. Занимает он особое место и в творческом наследии выдающегося писателя.

Прежде всего, это роман *мировоззренческий* и даже *идеологический*. А значит, и должен быть оценён именно с этой точки зрения. Роман с претензией на предсказание будущего, что было замечено даже его непримиримыми критиками, точнее – его отрицателями. Это и определило его читательскую судьбу.

А потому не только юбилей романа Василия Белова “Всё впереди” явился поводом и причиной снова обратиться к нему, но и то обстоятельство, что предсказанное в нём сбылось: в России произошла очередная революция, причины и, скажем так, “механика” которой и были представлены в романе. Воплощён тип сознания людей, получивший преобладание в обществе, непременно приводящий к социальному нестроению и революционному анархизму.

Кроме того, Василий Белов в своём романе коснулся извечного противоборства *цивилизации* и *культуры*. И только России присущего, нигде более в таком виде не встречающегося соотношения народа и интеллигенции, конфликта между ними. Автор романа “Всё впереди” изобразил новую интеллигенцию, так называемых “шестидесятников”, которые потеснили, можно сказать, пришли на смену “советской интеллигенции” как образованной части общества. Это же была идеологически озабоченная, революционно настроенная, переполненная критицизмом к власти, государству и народу часть интеллигенции, дерзнувшая на мировоззренческое и идеологическое водительство народа помимо государства.

По сути, эта часть интеллигенции вернулась к своей прежней дореволюционной природе, когда их предшественники подготовили и совершили революцию начала XX века. Она вернулась к своему феномену, не встречающемуся в других странах и обществах. Ведь “говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории... Как известно, это слово, то есть понятие, обозначаемое им, существует лишь в нашем языке” (Г. Федотов). И она, эта интеллигенция, опять превратилась в “особого рода соединение”, которое вступило в весьма знаменательные “отношения с “народом”, со “стихией”, именно – отношения борьбы (А. Блок). Но почему

произошло такое перерождение интеллигенции в “шестидесятничестве”? Ведь “революционная Россия изжила противоположение интеллигенции и народа. Правда, в значительной мере ценой уничтожения интеллигенции” (Г. Федотов).

Такое перерождение интеллигенции в советский период истории стало возможным потому, что в обществе нашем к тому времени сложилось уникальное положение, когда реально происходившие духовно-мировоззренческие и социальные процессы не соответствовали их идеологическому обоснованию. Образовался, по сути, вакуум идеологии, брешь, в которую хлынули обломки былых и случайных воззрений... Идеологическая дорожка к новой революции, либерально-демократической, буржуазной, была протоптана. Что было впереди? Впереди была новая, очередная революция в России. Так можно понять название романа Василия Белова “Всё впереди”.

В своём романе писатель и представил то, какую систему ценностей предлагала эта часть радикально настроенной интеллигенции. То есть Василий Белов коснулся проблем, со всем трагизмом обнажающихся в революционные периоды нашей многотрудной истории. Ведь ко времени выхода романа в свет в нашем обществе была уже провозглашена “революционная перестройка”. Именно революционная... Иными словами, была предпринята революция сверху. Хотя декларировалось всё происходящее как реставрация. И тут был сокрыт главный обман творцов новой революции нашего времени. Ведь реставрационные процессы в нашем обществе в смысле создания нового типа государственности начались где-то с 1934 года, но никак не в 1991–1993 годы.

Но новая революция была представлена как реставрация, то есть как якобы установление справедливости, порушенной революционной катастрофой начала XX века, семьдесят лет назад, в 1917 году... Произошла отмена коммунистической идеологии, но сопровождалась она революционным, “чёрным” переделом собственности и возвращением к варварству классового буржуазного общества с его социал-дарвинизмом, звериным “естественным отбором”. И в то же время декларировался якобы выход из советского “тупика” с его семидесятилетним “падением” и возвращением к “исторической России”. Такая мировоззренческая невнятица вызывала полную протрацию в умах и душах людей, родившихся, выросших и состоявшихся в советский период истории. Впрочем, эта идеологическая манипуляция в “демократической” революции нашего времени требует более пристального анализа. Мы же касаемся её лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания романа Василия Белова “Всё впереди”.

Это роман о том, как и почему люди, являющиеся продуктом советского образа жизни, доставшегося нам такой дорогой ценой, не приспособленные жить ни в каких иных условиях, кроме этих, оказались неустойчивыми, непримиримыми противниками этого образа жизни. Но тут нет ничего нового. Это вытекает из самой природы всякой революции, которая является не столько социальным феноменом, сколько духовно-мировоззренческим, психологическим и даже психическим. Во всякой революции в результате духовного насилия люди впадают в невменяемость: “Что делать, ведь каждый старался свой собственный дом отравить” (А. Блок).

Роман Василия Белова “Всё впереди” был встречен не критикой даже, а почти единодушным неприятием и отрицанием. Трудно, в самом деле, принять за литературную критику то, что вменялось в “вину” писателю. Скорее, творцы “демократической” революции нашего времени узнали себя в этом романе, и их пишущая обслуга повела с ним беспощадную борьбу.

Это был целый вал статей, удивительно однообразных, с предельной критикой не только романа, но и самого писателя. Причём авторы этих статей были исключительно либерал-революционных воззрений. Кажется, только статья Вячеслава Горбачёва “Что впереди?” противостояла этому какому-то самодовольному и разнузданному критиканству. (“Роман-газета”, № 7, 8, 1986; “Молодая гвардия”, № 3, 1987). Становилось совершенно ясно, что такой тип сознания – либеральный и революционный – получил в нашем обществе к тому времени абсолютное преобладание. Но как теперь припоминается, не верилось в то, что это может привести к столь печальному, даже трагическим последствиям. Причём не верилось всем. И, как видно по всему, прежде всего, этим самонадеянным критикам романа “Всё впереди”.

Но зададимся вопросом: а ново ли это для такого рода мировоззренческих, пророческих романов? Не только не ново, а, можно сказать, абсолютно

неизбежно. Припомним, что уже роман “Некуда” Н. Лескова крайне не понравился либеральной общественности из-за своего “направления”. Д. Писарев поставил Н. Лескова в ряд “свирепых истребителей будущего”. Но примечательно ведь, что прозрение будущего, того, что впереди, названо его противоположностью — “истреблением будущего”... Был ведь ещё у Н. Лескова пророческий роман “На ножах”. Однако писателю так и не простили его пророчеств. Либеральный сыск оказался для него страшнее всякого иного. До такой степени, что Н. Лесков, в творчестве которого “был слышен голос народной России”, и до сих пор остаётся, по сути, “прозёванным гением”, хотя М. Горький ставил его рядом с Л. Толстым и Ф. Достоевским.

По сути, то же произошло на наших глазах и с романом Василия Белова. Начали, кажется, сразу с “тяжёлой артиллерии”, с выступления заведующего кафедрой теории литературы МГУ П. А. Николаева на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук. Вооружённый, разумеется, “передовой” теорией, заведующий кафедрой обвинял писателя в некомпетентности в рассуждениях “о таких понятиях, как цивилизация и культура, интеллигенция, нравственность, христианство, город и деревня”: “А ведь это чревато творческими поражениями (среди них я бы назвал роман “Всё впереди” В. Белова, только что опубликованный журналом “Наш современник”). Нашим писателям-деревенщикам не следует слишком торопливо судить о городе. Конечно, из деревенской избы видно многое, но не всё” (“Московская правда”, 4 октября 1986).

Почему Василий Белов, с юности и по образу жизни, и в творчестве являющийся городским жителем, теоретику литературы представлялся в “деревенской избе”? Да потому, что лучшая часть отечественной прозы была обозвана “деревенской”, сельской и якобы ниже рангом, чем вся остальная, “решающая проблемы”. А лучшая поэзия обозвана “тихой лирикой”, не в пример “эстрадной” поэзии, не удержавшейся ни на площадях, ни в душах...

Словом, писателю отказано в праве размышлять о том, что дозволено лишь избранным, стоящим на страже “скинии откровения”...

“Городских людей, московских жителей, попытался написать Василий Белов в романе “Всё впереди”... Трудно узнать тут Белова, признанного мастера литературы, прекрасно разбирающегося “деревенскую” тему” (“Странная литература”, Ольга Кучкина, “Правда”, 2 ноября 1986). И опять-таки, как аргумент, как высший довод выдвигается принадлежность писателя к “деревенской” теме. Забавляет ирония критикессы о “наличии дьявола” в романе. Того, что персонажи его говорят о дьяволе. Что тут скажешь? Это диковинное племя, отрицающее духовную природу человека, для кого он лишь “материальная скотина” (Н. Гоголь), не ведает ни о Боге, ни о дьяволе.

Прямо-таки писатель якобы изменил самому себе, обратившись к городской теме. Не станешь же признавать, что это роман мировоззренческий и идеологический, даже если автор его — “писатель-деревенщик”. А потому и обозвали его семейно-бытовым, городским. Да к тому же он явно отличается от всего, созданного писателем ранее. А значит, роман “не удался”. “Роман “Всё впереди” В. Белова к удачам этого талантливого писателя не отнесёшь, даже если очень того захочешь” (Ю. Суровцев, “Огонёк”, № 11, 1987). Какое там “хотение” при столь всеобщем негодовании на писателя, дерзнувшего, посмеявшегося изображать “дичающую” интеллигенцию, ведущую людей туда, где никого ничего хорошего не ждёт. В том числе и эту интеллигенцию, точнее — “интеллигентщину” (Н. Бердяев).

Василий Белов, “как это уже знают все” (примечательный аргумент!), “сделал назад не шаг и даже не два, а ещё больше” (Дмитрий Иванов, “Огонёк”, № 2, 1987).

“И это — Белов? Таким вопросом задаёшься почти на каждой странице его последнего романа. Неужели это он, Василий Белов, признанный мастер языка, замечательный художник, одним существованием которого гордилась — и не без оснований — наша словесность, неужели он написал это?” (“Вопросы литературы”, № 9, 1987). И уже не текст анализировал критик, а выносил приговор самому писателю: “смута, чёрные, нечистые чувства овладевают душой писателя”.

“Да что же это такое? В чём тут дело?” — весь этот гвалт вокруг романа “Всё впереди” — мог бы спросить простодушный и доверчивый читатель. А Мальгин это “откровенно” объяснил. Оказывается, один из персонажей

романа Миша Бриш — не того, как следовало бы, роду-племени... И новейший идеолог от литературы разразился демагогической, дежурной для такого рода суждений тирадой, разумеется, не имеющей никакого отношения к тексту романа “Всё впереди” уже хотя потому, что ничего подобного в романе нет: “Скажу откровенно, называя вещи своими именами: мне, русскому человеку, стыдно, горько было читать те страницы романа, на которых когда намёками, а когда и впрямую поощряется национальное высокомерие, утверждает разнь между представителями разных народов и народностей нашей страны. Нет, никогда не сеяла великая русская литература разнь между народами, никогда не играла на тёмных инстинктах читателя, никогда не унижала представителей других национальностей. Подлинный патриотизм не имеет ничего общего с шовинистической спесью...” (“Вопросы литературы”, № 9, 1987).

И с угрозой, что, дескать, о русском “шовинизме” — “такой разговор ещё впереди”... Печально, что эту русофобскую демагогию разделил журнал “Вопросы литературы”, претендовавший на некоторую академичность, в приписке “От редакции”: “Что касается статьи А. Мальгина, то надо прямо сказать: редакция разделяет общую оценку критика и считает этот роман явной творческой неудачей одного из наших ведущих прозаиков”.

Таковыми ещё совсем недавно были литературные нравы. Теперь, когда никакие обсуждения литературы невозможны по причине того, что литература изъята из общественного сознания, когда вместо литературно-художественного процесса в наличии премиально-фуршетный дурман, и писатели с ног сбились, сшибая гранты и премии, невольно думаешь о том, что, может быть, и лучше, что подобная демагогия не отравляет души образованной части общества, следившего за литературой и её обсуждениями...

Ну, писала же вполне серьёзно “прогрессистка” Наталья Иванова о романе Василия Белова, что “сама авторская позиция носит в романе черты мещанской растерянности перед движением времени” (“Знамя”, № 1, 1987). Каким оказалось это “движение времени”, теперь уже вполне ясно. Очередная трагедия крушения страны и общества, исход которой ещё не вполне ясен, оказалась далеко не оптимистической... Да и могло ли быть иначе, если идеологическое обеспечение нового потрясения строилось на обмане — откровенная апология революции выдавалась за *эволюцию*. Ведь предлагались не реформы, и уж тем более не новое, демократическое обустройство государства, а *слом народной идентичности*, перековка человека, столь памятная по предшествующей революции начала XX века: “Слом традиций привычного образа жизни... Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном итоге, историческую ориентацию, стать республикой “западного” типа” (Егор Гайдар. “Государство и эволюция”, М., Евразия, 1995). Неужто это — *эволюция*, а не *революция*?..

Да, роман “Всё впереди” непривычен для писателя. Во всяком случае, он явно выбивается по своему стилю из ряда его предшествующих произведений. Но это не даёт никаких оснований считать его неудавшимся, как почти в один голос твердили его критики. Это общее свойство таких мировоззренческих, идеологических романов, в которых изобразительность, “объективированность” уступает место их “философичности”. Ф. Достоевский отмечал, что в его романе “Бесы” тенденция преобладает над художественностью. А потому общее свойство такого рода романов выставлять в качестве их недостатка просто несправедливо.

Даже название своему роману “Всё впереди” Василий Белов взял из романа “На ножах”. Именно так называется одна из главок в романе Николая Лескова. Казалось бы, непримиримые и неистовые ниспровергатели романа В. Белова “Всё впереди” должны были бы скорее упрекать писателя в том, что он слишком уж покорно следует за классиком, чем уверять читателей в том, что писатель в своём романе якобы потерпел неудачу. Есть и другие перекички Н. Лескова и В. Белова. Можно даже сказать, что роман “Всё впереди” написан как бы с оглядкой на роман “На ножах”. Но это как раз и не было замечено. А это значит, что в романе “Всё впереди” было нечто такое для критиков неприемлемое, что они напрочь отвергли его без всякого анализа с точки зрения литературной традиции. *Бесы* и *духи революции*, действительно, узнали себя в этом романе и повели с ним непримиримую борьбу как с якобы консервативным, только мешающим торжеству их “передовых”

и “прогрессивных” идей, которые таковыми, как теперь уже совершенно ясно, не являлись.

В самом деле, в романе “Всё впереди” есть такие и сюжетные, и смысловые переклички с романом “На ножах”, которые уж никак нельзя посчитать случайными. Скорее всего, Василий Белов тем самым указывал на то, какой именно традиции в русской литературе в данном случае он придерживается, — традиции мировоззренческого, идеологического, социального романа, которая с наибольшей силой и невероятной прозорливостью сказалась в творчестве Н. Лескова и Ф. Достоевского.

И само это понятие — “всё впереди” — несколько неопределённый, романтический порыв в неведомое будущее как уход от прошлого и неумение жить настоящим, и в романе “На ножах”, и в романе “Всё впереди” связано с женщинами.

В романе В. Белова это Люба Медведева, учительница музыки одной из московских школ, которая “всегда жила завтрашним, вернее, послезавтрашним днём, думая только о будущем, не замечая настоящего и совсем не вспоминая о прошлом”. Не обременённая ни прошлым, ни настоящим, погружённая в романтическую мечтательность, она, естественно, считала, что самое прекрасное у неё впереди. В романе Н. Лескова это Лариса Платоновна Висленова: “Вся жизнь Ларисы ещё впереди”.

В романе “Всё впереди” как некое видение появляется белая лошадь. Наркологу Иванову она показалась *цыганской*: “Увидел белую, скорее всего, цыганскую лошадь”. Такое определение можно понять как некую неприкаянность. И этот образ, это видение лошади связано с Любой Медведевой.

В романе “На ножах” “Ларка роковая” сравнивается с лошадью *калмыцкой*: “Её, как калмыцкую лошадь, один калмык переупрямит”.

Поразительно, что как в романе “На ножах”, так и в романе “Всё впереди” есть похожая неприглядная интрига. Бодростина говорит Горданову, подбивая его соблазнить Ларису Висленеву: “Ударь за Ларой — она красавица и, будь я мужчина, я бы сама её в себя влюбила.

— Потом?

— Потом, конечно, соблазни её, а если не её — Синтянину или обеих вместе — это ещё лучше! Вот ты тогда здесь нарасхват!”

В романе “Всё впереди” Миша Бриш, одноклассник Любы Медведевой, а потом её второй муж, после того, как Медведев попал в тюрьму за халатность, допущенную в научном эксперименте, подбивает своего друга Аркадия соблазнить свою будущую жену:

— Если бы ты наставил рога этому жлобу Медведеву, я бы только приветствовал, — сказал Михаил Бриш. — Но это исключено.

— Хочешь пари? — ответил весело голос.

— Говорю тебе, ты проиграешь. А что ставишь?

— Бутылку лучшего виски.

— Я согласен на “Белую лошадь”.

Примечательные сюжетные совпадения в романах, говорящие о том, что они находятся в единой литературной традиции. А потому вовсе не случайно упоминание о “шестидесятичестности” в романе “На ножах”. В исповеди Александры Синтяниной: “Попала под колёса обстоятельств, накативших на моё отечество в начале шестидесятых годов... Без всякого призвания в политике я принуждена была сыграть роль в событиях политического характера”.

В этих романах, отстоящих друг от друга так далеко во времени, представлен тот тип сознания, та система ценностей, какую люди принимают в своё оправдание, тот образ жизни, который неизбежно приводит к революционному анархизму. В том и в другом случае — это средство показать то, что “полоса смятений на Руси ещё не прошла: она может быть, только едва в начале” (Н. Лесков).

Как в романе “На ножах”, так и в романе “Всё впереди” является Париж, эта родина переворотов и революций. Является как некое безусловное мерило, как испытание и поверка человека на духовный стоицизм.

В романе В. Белова Люба Медведева отправляется в туристическую поездку во французскую столицу. Париж в её душе живёт в расхожем, романтически-мечтательном смысле, свойственном натурам неглубоким и несамостоятельным: “И так радостно билось сердце: Париж! Город, о котором столько сказано и написано всеми людьми земли. И это её, Любу Медведеву, ждёт

удивительная, теперь уж такая близкая встреча с Парижем. Неужели это не сон?"

Потому-то она стыдится своего, родного: "За границей Любе всё время было стыдно. Ей казалось, что на них оглядываются, что москвичи многое делают неважно. Она то и дело краснела". Это психология лакея Яши из "Вишнёвого сада" А. Чехова: "Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость. Здесь мне оставаться положительно невозможно... Сами видите, страна необразованная, народ безнравственный... Насмотрелся на невежество — будет с меня".

Поездкой в Париж и поверяется истинная натура Любы Медведевой: "Поездка за границу только проявила её всегдашние, коренные свойства. Обычная заурядная баба..."

В романе "На ножах" нет романтически-мечтательного восприятия Парижа, свойственного временам последующим. Но есть констатация его беспощадной экспансии: "Париж играет, а Петербург пляшет под звуки волшебной флейты". Но не только в таком значении предстаёт он в романе, но и в более глубинном, как извечное соотношение цивилизации и культуры, причём, в довольно неожиданном ракурсе:

"— Наплевать на такую волю, чтобы пять да дышать только: мне больше нравятся звуки "Марсельезы" в рабочих улицах Парижа, — ответил Форов.

— Париж! Город! — воскликнул с кротким предостережением Евангел. — Нет, нет, не ими освятится вода, не они раскуют мечи на орала! Первый город на земле сгородил Каин; он первый и брата убил. Заметьте: создатель города есть и творец смерти; а Абель стадо пас, и кроткие наследят землю. Нет, сестры и братья, множитесь, населяйте землю и садите в неё семена, а не башенные стройте, ибо с башен смешенье идёт".

Не только в таком значении соотношения цивилизации и культуры предстаёт город в романе "Всё впереди" В. Белова, но и в значении некоего фантома. "Вышедший из человеческого подчинения, гигантский город расширялся по зелёной земле, углублялся в её недра и тянулся ввысь, не признавая ничьих резонансов".

А потому является непростительным упрощением сложнейшее соотношение цивилизации и культуры сводить к урбанизации нашей жизни. А то и вообще происходит какое-то оглушение проблемы. Будто бы в художественном мире Василия Белова город — это *исчадие зла*, а деревня — *всегда добро*.

"Белов посягает на такое противопоставление, как противопоставление культуры и цивилизации", — несколько высокомерно писал Игорь Золотусский ("Знамя", № 1, 1987). И тут же: "Но я не могу принять его нелюбви к городу вообще, как и не могу признать, что деревня — это "лад", а город — гнездо бесовства". Ну, не так же всё у В. Белова! "Насилие над природой выходит из-под нравственного контроля", а город живёт "по своим законам, созданным им же самим и лишь для себя".

Соотношение же цивилизации и культуры не такое простое, во всяком случае, далеко не сводящееся к урбанизации. Это два соперничающих миропонимания, находящихся друг к другу вовсе не в альтернативном, взаимоисключающем положении. По логике, они должны уравновешивать друг друга, но далеко не всегда они находят это необходимое равновесие.

Цивилизация предлагает парадигму прогресса: развитие от простого к сложному, от несовершенного к более совершенному. Но человек не подчиняется такой парадигме. И мы видим, что он не становится ни лучше, ни совершеннее. Культура контролирует цивилизацию, не даёт человеку сгореть в огне цивилизации...

Цивилизация не объясняет мир, но загромождает его. Она мстит культуре за то, что по самой природе своей бессильна постичь целостное многообразие этого мира. Она не может смириться с неразрешимыми тайнами мира и человека, не может простить культуре конечную непознаваемость этого мира. "Не жди последнего ответа. // Его в сей жизни не найти", — писал А. Блок. А потому, может быть, цивилизация невольно покушается на духовную природу человека, отрицая и подавляя её до такой степени, что в наше время человек остановился в некоторой растерянности, видя, что блага, даваемые цивилизацией и прогрессом, соизмеримы с теми потерями для духовного здоровья человека, которые они приносят. Именно на этом пути признания непознаваемости мира Дмитрий Медведев из романа "Всё впереди"

и находит равновесие и примирение с этим миром: “Уже несколько лет он жил в том новом для себя состоянии, когда ум, оскорблённый и принижённый неизбежностью смерти, перестал задавать вопросы, на которые – Медведев знал это – никогда не будет ответа. Уважение к великим человеческим тайнам стало нормальным медведевским состоянием. Оно избавило от изнурительных дум о бессмысленности существования. Для Медведева стало личным открытием то, что гордая ненасытность голого рационалистического ума, казалось бы, призванная служить свободе, парадоксальным образом закрепощала ещё больше...”

И, наконец, ещё об одной переключке в романах “На ножах” и “Всё впереди” – о соотношении мира вещного и незримого, в коем и совершается брань духовная как непереносимое условие человеческого бытия. О добре и зле.

Есть в романе “На ножах” глава “Тёмные силы”, в которой Н. Лесков пишет, как видно по всему, с некоторой иронией: “В этом романе читателям уже не раз приходилось встречать сцены, относительно которых, при поверхностном на них взгляде, необходимо должно возникнуть предположение, что в разыгрывании их участвуют неведомые силы незримого мира, тогда как учёным реалистам нашего времени достоверно известно, что нет никакого иного живого мира, кроме того, венцом которого мы имеем честь числить нас самих...”

Современное же позитивистское сознание не усомнилось отвергнуть само понятие о добре и зле. Оно переводит представления духовно-мировоззренческие в область социальную, и они становятся для него неразличимыми. Тут поизгалялся над романом “Всё впереди” Андрей Мальгин в статье “В поисках “мирового зла”, демонстрируя всё убожество позитивистского разума: “Итак, существует тайная дьявольская сила”, – иронизирует он, насколько не сомневаясь в том, что никакой дьявольской, тайной, незримой силы зла не существует. Она-де “использует в нашей стране” порочные наклонности человека... Да не “в стране”, а в душе человеческой...”

В комментарии “От редакции” журнал “Вопросы литературы” дал прямо-таки убийственную характеристику “козням дьявола”, причём в качестве некой общепризнанной нормы: “Идея эта ложная и совершенно непродуктивная, поскольку и полезнее, и нравственнее не на дьявола пенять, а на себя оборотиться”.

Надеюсь на то, что приведённое мной сопоставление романов “На ножах” и “Всё впереди” убеждает в том, в какой именно традиции создан роман Василия Белова. Именно в такой последовательности и преемственности он понятен и злободневен в своём пророчестве: “На ножах” Н. Лескова, “Бесы” Ф. Достоевского, “Всё впереди” В. Белова. Ну, а то, что роман Василия Белова “Всё впереди” был атакован так же, как и романы великих его предшественников, свидетельствует о том, что автор не творческое поражение потерпел, а одержал победу. Духи новой, “демократической” революции узнали себя в нём. Единообразное, абсолютно демагогическое, вне литературной традиции, а лишь с точки зрения идеологии и политики отрицание романа является тому подтверждением.

Возможно, переключки с романом “На ножах”, которые мы находим в романе “Всё впереди”, не являются некой преднамеренностью. Вполне возможно, что, работая над своим романом, В. Белов вовсе не думал о романе Н. Лескова. Скорее тут сказалась закономерность как условие истинного литературного творчества, о которой говорил сам В. Белов: “Все русские писатели испытывали влияние своей национальной классики” (“Литературная учёба”, № 6, 1985).

Но когда сопоставляешь “шестидесятничество” XIX века, подготовившее революцию в России начала XX века, с “шестидесятничеством” нашего времени, идеологически обеспечившее “демократическую” революцию, становится как-то жутковато от того, насколько они сходны и неизменны, словно мы не движемся вперёд сквозь метафизические провалы, а кружим на месте по какому-то топкому болоту...

Александр Блок в статье “Герцен и Гейне” писал о “шестидесятничестве” XIX века. Но это полностью, без каких-либо уточнений относится и к “шестидесятничеству” века XX-го: “Эти далёкие и слабые потомки Пушкина одиноко дичали, по мере того как дичала русская интеллигенция. Шестидесятничество и есть ведь одичание; только не в смысле возвращения к природе,

а в обратном смысле: такого удаления от природы, когда в матерьялистических мозгах заводится слишком уж большая цивилизованная “дичь”, “фантазия” (только наизнанку) слишком уж, так сказать, “не фантастическая”.

Теперь даже и такие дискуссии, как вокруг романа “Всё впереди”, немислимы и невозможны. Дискуссий о литературе теперь вообще нет. Их вести стало некому и негде, так как великая русская литература, по сути, изъята из общественного сознания. В извечном противостоянии и противоборстве цивилизации и культуры, кажется, окончательно победила цивилизация. Надменная цивилизация отомстила-таки культуре. В полном согласии с либерально-демократической идеологией, которой культура вроде бы и ни к чему. Декларативная борьба, вроде бы, за человека, забота о его правах и свободах обернулась своей противоположностью – умалением человека, уничтожением его.

Это невообразимое и, казалось, немислимое у нас в России, самой литературоцентричной стране, бедствие, чреватое трагическими для народа последствиями, только подтверждает пророческую правоту и злободневность романа Василия Белова “Всё впереди”.